

Эксперимент №8

Даниил Щетирецкий

Даниил Щетирецкий

Эксперимент №8

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70330306

SelfPub; 2024

Аннотация

На опушке старого леса стоит здание, возраст которого превышает сто лет, и одним летним днём возле него пропадает ребёнок. Никто почти не обращает внимание на это здание, ведь попасть в него простому ребёнку из-за массивной двери практически невозможно. Но что, если всё же возможно?

Даниил Щетирецкий

Эксперимент №8

Прошло уже двадцать лет, а я всё продолжаю приходить на маленькую могилку, установленную на широкой песчаной тропинке, с краю граничащей с лесом. Я стараюсь посещать её раз в месяц, но иногда мне просто не хочется сюда идти, и я не обязан этого делать, но в таком случае уже на следующий день меня начинает ужасно грызть совесть, и я снова здесь.

Могилка состоит из каменного надгробия полметра в высоту и небольшой насыпи из земли, на которой лежат цветы. Их я принёс сюда сам в прошлый раз. Я ношу их сюда каждый день. Насыпь из земли я тоже делаю сам каждый раз, потому что там, где я живу, часто дуют довольно сильные ветры. Я мою надгробие, на котором уже стёрлась надпись, на которой было написано имя того, в честь кого она была поставлена. Но я помню, что она принадлежит моему старому знакомому, и что под землёй его трупа нет и никогда не было. Это знает каждый житель посёлка, даже дети.

Я ухаживаю за могилой потому, что больше некому этого делать.

Моего старого знакомого, которому и принадлежит эта

могилка, звали Влад. Сейчас ему бы уже было двадцать девять лет, как и мне, но он умер двадцать лет назад. Если поискать о нём информацию, то можно обнаружить, что он числится пропавшим без вести. Но это не так, это очевидно. Он мёртв уже очень давно, и его смерть – скорее всего, мучительная – настигла его именно в этом лесу.

Это произошло давно, но я довольно хорошо помню то время. Как же забыть такое?

Мой посёлок по размеру очень небольшой, но в нём есть всё для относительно комфортной жизни – детский сад, школа, поликлиника, магазины. Но детям здесь не хватает развлечений.

Двадцать лет назад всё было намного хуже, нежели сейчас, – никаких вам поликлиник и образовательный учреждений, только пара магазинов на весь посёлок – но вот уровень разного рода развлечений для детей всегда был таковым.

Единственное место, которое влекло к себе детвору, – опушка большого леса, граничащего с посёлком. В жаркие летние дни вся наша компания, состоявшая из меня, Влада и ещё двух мальчиков и двух девочек, собиралась на опушке и проводила там весь день до заката.

Изначально мы играли недалеко, но в один момент нам наскучил пейзаж и местность леса возле нашего посёлка, поэтому мы стали ходить дальше по тропинке. В один такой день мы отошли на, приблизительно, 400 метров от нашего

привычного места игр и обнаружили недалеко от песчаной тропинки каменное квадратное здание, длинной каждой стороны около пяти метров. Оно было спрятано от посторонних глаз густой растительностью, но мы нашли его.

С виду здание было возрастом более века. Фасад был во многих местах осыпавшийся и потрескавшийся. Вход в постройку располагался со стороны, отвёрнутой от тропинки. Им служила ржавая, тяжёлая, металлическая дверь, к которой мы тогда не рискнули прикоснуться. Многочисленные рассказы старших о столбняке этому способствовали. Да и не думаю, что мы бы смогли её открыть. Единственное окно, располагающееся рядом со входом, было разбито, но через него не было ничего видно. Да и к тому же, мы были детьми, и боялись подходить близко к этому зданию.

В тот день мы ушли оттуда, но через некоторое время пришли, а потом снова, а потом ещё. И так мы перестали бояться этого места, превратив его в наше место для игр. В один из летних дней мы снова пришли туда и играли, пока солнце не начало садится. Тогда главной нашей игрой были прятки.

И вот, мы решаемся на последнюю игру, после которой разойдёмся по домам, и все, кроме ищущего, которым не был ни я, ни Влад, разбежались в разные стороны. Я тогда спрятался хорошо и меня нашли предпоследним. Последним остался Влад. Ищущий потратил ещё около десяти минут на попытки найти его, но, поняв, что уже поздно, чтобы продолжать игру, мы все стали звать Влада, чтобы он выходил.

Но он не вышел. Сначала мы сильно испугались, решив, что он мог потеряться в лесу, но отбросили эти мысли, подумав, что Влад в тайне от нас ушёл домой по непонятной нам причине. Тогда мы разошлись. Но не вышел Влад ни на следующий день, ни через неделю, ни через год. Никогда.

Команда из взрослых жителей нашего посёлка, полиции и волонтеров собралась, чтобы отправится на поиски, которые продолжались более месяца, пока все не поняли, что это уже бесполезно. И тогда они прекратились навсегда, а на тропинке, прямо напротив старой постройки, появилась могилка в честь Влада.

Первые десять лет я вообще не приходил сюда. Никто сюда не приходил, потому что все либо боялись, либо им было всё равно. Но всё же, я смог этот страх преодолеть и стал ходить к Владу, ухаживая за его могилой, потому что та была уж в совсем плачевном состоянии. Я ухаживал за этим местом потому, что родители Влада спились и скончались, а кроме них и с некоторого времени меня никто не хотел этим заниматься. Я испытывал странный, но неподдельный интерес к этому месту и пропаже Влада.

Завтра я уезжаю из посёлка в большой город, чтобы начать новую жизнь, ведь здесь мне больше делать нечего, и сегодня я, скорее всего, последний раз навещаю могилку Влада.

Я принёс очередную порцию цветов, протёр надгробие и сделал горку из земли, на которую положил букет. Потом я

мысленно попрощался с Владом и ушёл, как я думал, навсегда.

И всё же, я снова тут. Вчера я думал, что ушёл навсегда, но понял, что осталось ещё кое-что, что я должен сделать перед отъездом.

Всю ночь я не мог уснуть из-за мыслей о той квадратной каменной постройке, которую я нашёл с Владом и другими ребятами в детстве. Как я уже говорил, я испытывал странный, но сильный интерес к пропаже Влада. Почему-то мне казалось, что это здание как-то связано с этим.

С того дня, когда пропал Влад, я ни разу не приближался к этому зданию. Я бывал в лесу, на могилке, но у здания – никогда. Пока я был ребёнком, я боялся подходить к нему, и, по всей видимости, страх перешёл во взрослую жизнь. Мне трудно объяснить причину, по которой я боялся туда идти, но мне казалось, что она отчасти заключалась в том, что я боялся повторить участь Влада, что, в целом, было логично. Хоть я и понимал, что я уже давно не ребёнок, а это здание, скорее всего, вообще никак не связано с пропажей, мне было страшно.

Но сейчас я испытывал какое-то вдохновение на поход туда. Возможно, из-за того, что всю ночь я думал об этой постройке и каким-то образом смог себя убедить в том, что в ней нет ничего страшного, а, возможно, из-за чего-либо ещё.

Я принёс очередной букет на могилку и положил его по-

верх предыдущего, не успевшего завянуть. Я подровнял кучку земли и ступил в лес. Летом трава здесь довольно густая и высотой чуть выше щиколотки. Я шёл, расталкивая её ногами и она самую малость мешала идти. Я делал новую тропинку поверх старых, которые уже успели зарости. Я прошёл около тридцати метров, и вот, прямо передо мной, место, которое я боюсь больше всего. Вернее будет сказать *боялся*. Когда я его увидел, мои уверенность и вдохновение заметно уменьшились, и я остановился в нескольких метрах от здания, думая о том идти мне или нет.

И всё же, я понимал, что если я не пойду сейчас, то, во-первых, уже никогда здесь не окажусь, а во-вторых, меня будет ужасно грызть за это совесть. Поэтому я пошёл.

Я помнил, что вход в эту постройку располагался со стороны, повёрнутой к лесу. И он никуда не делся. Но теперь, вместо массивной железной, заржавевшей двери, на месте дверного проёма не было ничего. Но я ведь отчётливо помню эту дверь, к которой никто из нас так и не рискнул прикоснуться. Моё сердце стало биться быстрее. В глубине души, несмотря на то, что я пытался отрицать эту мысль, я надеялся на то, что там всё ещё будет эта дверь и я не смогу попасть внутрь. Я почувствовал неприятное ощущение внутри от осознания собственной трусости. Но с какой-то стороны это чувство помогло мне решиться, и я, сам не заметив как, оказался внутри.

В здании царила непроглядная тьма, и я стал судорожно

шарить по карманам в поисках телефона. Когда я его нашёл, я включил на нём фонарик и стал осматривать комнатку.

Располагавшееся слева от двери окошко, единственное в здании, было сломано, но ни через него, ни через дверной проём свет внутрь почему-то не попадал. Казалось, будто тьма, подобно чёрной дыре, поглощала его. В свете фонаря телефона я смог разглядеть огромный слой пыли на полу, на котором я оставлял свои следы. В правом дальнем углу располагалась небольшая одноместная кровать, на которой лежало раньше белое, а теперь покрывшееся огромным слоем пыли и грязи, постельное бельё. Рядом с ней стоял стул, на котором, как мне сперва показалось, кто-то сидел, но тут была та же ситуация, как и с одеждой на стуле ночью. В левом дальнем углу стоял большой деревянный шифоньер с двумя отсеками, дверца одного из которых была сломана. Помимо этого, в левом ближнем углу стоял деревянный стол, на котором ничего не было, а так же на полу лежал расписной ковёр, ставший практически серым от пыли и грязи. Больше ничего. Ничего, что могло хоть как-то помочь в деле о пропаже Влада. По всей видимости, раньше эта комнатка была частью дома – но тогда трудно объяснить, почему именно она осталась почти нетронутой, а весь остальной дом стёрт подчистую. Может, это изначально была небольшая комнатка и в ней кто-то жил. Но это не важно, важно то, что здесь нет ничего, связанного с Владом. Ни-че-го.

Но ведь должно быть хоть что-то, думал я, пока ходил

по пыльному ковру.

Я подошёл к кровати и аккуратно, почти брезгливо и быстро стянул с неё постельное бельё. Под ним оказалась белая простыня, но ничего кроме этого. Потом я подошёл к шифоньеру и открыл единственную оставшуюся дверцу. Краем глаза я увидел паука, бегущего по стенке шкафа, но, когда я перевёл взгляд туда, где я его видел, его там уже не было. На нижней полке шифоньера, располагавшейся под двумя основными отсеками с дверцами, лежало что-то похожее на постельное бельё, свёрнутое в четыре раза, такого же белого цвета, как и то, что было на кровати. Потом я подошёл к столу. Я сразу увидел, что на нём ничего нет, но зачем-то провёл рукой по его поверхности. Когда я поднял руку, она была вся серая от пыли.

Я был разочарован, но не более. Но так же я был рад. Та трусливая часть моей души, что надеялась, что металлическая дверь не пустит меня в это здание, снова дала о себе знать. Она буквально ликовала от счастья. Но вместе с ней, в другой части моей души, злилось раздосадованное чувство того, что я что-то упускаю. Все эти годы я был уверен, что это место связано с пропажей Влада, но сейчас...

Я отошёл к выходу. Я ещё раз осмотрел комнатку. Посветил на стены, на потолок. Но нигде ничего не было. Я снова подошёл к кровати. Снова осмотрел её. Снова ничего.

Затем я отошёл от кровати, и, когда до выхода оставалось около двух шагов, мне показалось, что под моей ногой что-

то просело. Я убрал оттуда ногу и поставил заново. Что-то просело и, когда я снова убрал ногу, вернулось в изначальное положение. Я подошёл к выходу и взялся за край ковра. Мои руки моментально покрылись пылью, и я начал скатывать ковёр в трубочку. Когда я сматал его наполовину, мне открылась какая-то дверь в полу. Точнее, несколько досок, скреплённых между собой и образовавших квадрат, границы у которого были металлическими. В дальней части, посередине, в небольшой ямочке, было кольцо, прикреплённое к другому такому же кольцу. Я взялся за него и потянул на себя. С трудом, но я поднял деревяшку, которая весила, наверное, около тридцати килограмм, и отволол её к стене. Аккуратно подойдя к краю, скорее всего, подвала, я посветил туда фонариком и увидел ржавую лестницу из сваренных вместе арматур. Она пропадала в темноте подвала.

В душе меня разрывали любопытство и животный страх этого места, вернувшийся и ставший ещё сильнее, чем в детстве. Я отошёл от подвала, моё сердце невероятно сильно билось, а дыхание было сбивчивым и громким. Несмотря на свой довольно приличный возраст, я ощущал себя ребёнком, который залез туда, куда не стоило. На моём лбу выступил пот и я вытер его рукавом.

Я продолжал стоять, пытаюсь сделать выбор. Всегда подобные выборы давались мне с трудом, а особенно, когда от моего выбора зависел кто-то другой. *Но ведь сейчас никто не зависит от моего выбора, думал я, ничего не поменяется,*

если я залезу в этот подвал на пару минут, пойму, что там ничего и никого нет, а я в этом почти уверен, и уйду.

И всё же я смог решиться и полез туда. Я натянул рукава своей одежды на ладони и полез вниз по лестнице. Когда я спускался, было такое ощущение, будто арматура провалится под моими ногами. Но ничего подобного не произошло, и мои ноги коснулись бетонного пола подвала.

В подвале было ещё темнее, чем наверху, и я не мог сказать, какого он размера, но мне казалось, что он большой. Очень. Я выставил телефон перед собой и стал аккуратно идти, надеясь дойти до стены. Через пару секунд пути в свете фонарика показалась стена такого же цвета, что и пол. Покрытие на ней во многих местах осыпалось, а сама она была покрыта многочисленными трещинами. Я стал идти вдоль стены в противоположную сторону от лестницы, и через несколько секунд пути я встретил на стене что-то похожее на выключатель. Я не питал большой надежды на то, что он окажется рабочим, но я всё же нажал.

Сначала я думал, что меня ударит током или что-то такое, поэтому закрыл глаза, но ничего не произошло. Хотя нет, кое-что произошло – включился свет. Одна единственная лампочка на проводе торчала из отверстия в потолке посреди подвального помещения.

Оно было, как я мог видеть, поделено на две комнаты. Разделяла их стена на нижнюю половину состоящая из бетона, а на верхнюю – из зеркала Гезелла. Во втором помещении

свет был всё ещё выключен. В первом же помещении, где я сейчас был, под зеркалом стоял ряд металлических столов, на которых не было ничего, кроме пары больших блокнотов. Я подошёл к столам и взял один из них. Он был очень старым, обложка была жёлтого цвета и на ней большими печатными буквами было написано “**ЭКСПЕРИМЕНТ №8**”. Я аккуратно взял блокнот в обе руки так, чтобы он не дай Бог не порвался. А он мог.

Помни, тебе надо уезжать, поэтому давай быстро, подумал я и открыл блокнот, по размеру больше напоминавший большую книгу в мягком переплёте. Внутри от руки было написано:

21 ноября. Начало эксперимента. Записи ведутся по мере происхождения события: если событие происходит, оно записывается сразу, в тот же момент (по возможности).

Условия: подопытный №8 заперт в звуко-проницаемой комнате размером 4x4 метра без каких-либо источников света. В комнате есть: де-ревянный стол прямоугольной формы со сглаженными углами и резиновыми накладками, привинченный к полу, на столе есть стопка бумаги; деревянная кровать со сглаженными углами и резиновыми накладками, матрас и постельное бельё, унитаз. Подопытному не разрешается: причинять себе какой-либо вред; в случае нарушения последует наказание в виде ограничения передвижения по комнате и питания. Подопытному не разреша-

ется ломать или портить каким-либо другим образом вещи и предметы находящиеся в комнате; наказание то же. Питание будет поставляться подопытному один раз в день, каждый раз в разное время, через отверстие в стене; полученную еду испытуемому необходимо употреблять всю сразу, не откладывая и не пряча оную куда-либо; наказание то же. Подопытный может заниматься тем, чем сам захочет, что не сможет навредить ему или эксперименту; подопытный имеет право просить любую вещь, которую захочет и которая не сможет навредить ему или эксперименту; экспериментаторы имеют право отклонить просьбу испытуемого, если на это будут основания.

Цель: выяснить, сколько сможет прожить в условиях полной темноты и шумоизоляции среднестатистический человек.

Первый день: после того, как испытуемый был помещён в комнату, он некоторое время ходил по комнате. Потом лёг в кровать уснул.

Второй-четвёртый день: проснувшись, испытуемый попросил музыкальный плеер, в чём ему сразу было отказано; после этого он попросил пару простых карандашей и точилку, которые ему в скором были выданы. На протяжении второго и четвёртого дня испытуемый ходил по комнате, рисовал на стенах и бумаге и пел песни, которые помнил из прошлого. Посреди четвёртого дня, после того, как испытуемому была выдана дневная порция еды, он встал чуть ле-

вее центра комнаты, упал на колени и стал шептать неразборчивые молитвы.

Пятый-четырнадцатый день: в эти дни всё проходило ровно так же, как и ранее. На седьмой день испытуемый попросил увеличить количество еды, доставляемой ему; отказ. На девятый день испытуемый попросил пластмассовые геометрические фигуры, которыми играют дети; одобрено. С этого дня испытуемый только ел, играл и спал, иногда ходил в туалет.

Пятнадцатый день: в этот день испытуемый попробовал спрятать еду. Часть полученной им еды он взял в руки и положил на пол под кроватью. Сначала по громкоговорителю, повешенному в комнате, испытуемому велели достать еду и съесть ту прямо сейчас. В ответ на это он закрыл уши, закричал “Громко!” и упал на спину. Когда повторный приказ был проигнорирован в комнату вошло трое экспериментаторов и приковали испытуемого к кровати стальными наручниками.

Шестнадцатый-тридцатый день: на следующий день испытуемого освободили и он продолжил заниматься обычными делами. Так продолжалось до двадцать второго дня, когда испытуемый стал биться головой об пол и не останавливался. Тогда его привязали к кровати и до двадцать пятого дня он был прикован. В это время в камере постелили гладкие резиновые коврики на пол, пока у испытуемого были завязаны глаза. До тридцать первого дня ничего подобного

не повторялось.

Тридцать первый день: испытуемый напрочь отказался есть обычную еду и вместо этого стал есть грифель от карандаша; в ответ на это тот снова был прикован, а карандаши были изъяты; еду ввели насильно.

Тридцать второй-сорок третий день: все эти дни испытуемый сидел на одном месте и отходил только для еды. Всё это время он что-то неразборчиво шептал.

Сорок четвёртый день: испытуемый вновь стал передвигаться по комнате, но делал это очень вяло. Шёпот прекратился. Большие испытуемый ничего не просил.

Сорок пятый день: испытуемый попросил деревянный шест высотой два метра; одобрено.

Сорок шестой-пятьдесят первый день: около пяти часов в день испытуемый размахивал по комнате шестом и бил им по стенам и потолку. На сорок девятый день он угодил в камеру, висящую в углу. Та была сбита. В наказание испытуемого приковали к кровати, и, пока тот был прикован, установили новую камеру на месте старой.

Пятьдесят второй день: испытуемый стал гораздо тише себя вести. Он почти не ходил по комнате и только сидел что-то нащёптывая.

Пятьдесят третий день: испытуемый вновь стал играть с шестом, но в этот раз он сразу довольно метким ударом попал в камеру. Та слетела. Группа из трёх экспериментаторов отправлена для осмотра. Один человек из группы кри-

чит, что не может найти испытуемого. Неожиданно раздаётся крик.

На этом моменте записи прерываются.

Я положил блокнот на стол, пытаясь обдумать прочитанное. В голове была полная каша. Я не мог понять, как такое вообще может быть возможно в реальном мире, и почему об этом никто и никогда не писал и не говорил. Почему это место никто не находил? Ведь должен же был быть кто-то, кто стоит за всем этим.

В общем, вопросов было много, но ответов, как обычно, не было.

Я ещё раз взял тетрадь и перечитал последние записи. Я не мог понять, как они могли быть такими глупыми и неподготовленными, чтобы пустить к, очевидно, психу людей без какого-либо оружия.

Положив тетрадь, я отошёл от стола. *Нужно уходить*, подумал я, вспомнив, что я должен был уехать ещё, наверное, час назад, *потом обдумаю всё это, по пути.*

И я стал уходить. Моя трусливая часть души вновь стала ликовать, а другая часть успокоилась, поняв, что здесь искать больше нечего. Я подошёл к лестнице и начал подниматься по ней.

А куда делся испытуемый? эта мысль появилась у меня в голове, поразив меня, словно молния.

У меня перехватило дыхание, а хватка рук ослабла. Я по-

летел вниз по лестнице. Упал я так быстро, что даже и не почувствовал того, что падал. Зато отлично почувствовал боль во всей левой части тела от удара о пол. Также мне показалось, будто я слышал звук удара чего-то металлического о пол. Я приподнялся на руках и осмотрелся – в двух метрах от меня к запертой комнате, в которой, по всей видимости, и проводили эксперимент, лежал мой разбитый телефон, превратившийся в кучу металлолома. У меня перехватило от этого сердце по началу, но всё же, это была не большая потеря. Я поднялся на четвереньки и подполз к бывшему телефону. Да, ремонту он теперь определённо не подлежал – всё было вдребезги.

Я приподнялся на колени и мне снова пришла эта мысль, вновь поразив меня, словно молния.

А где же испытываемый?

Сердце застучало сильнее, а дыхание сбилось. Я поднял глаза на дверь, ведущую в комнату, где проходил эксперимент, и мне даже показалось, что та стала открываться. Забыв про боль, я поднялся на ноги и отбежал обратно к лестнице – я был уверен в том, что дверь действительно открывается. Но, взглянув на неё, я понял, что это всего-навсего игры разума и я просто нахожусь под впечатлением. Но мозгу это было объяснить не так-то просто, поэтому я не смог сразу успокоиться. Трусость в душе заиграла новыми, совершенно необычными красками, а любопытство затмил страх. Я вновь стал подниматься по лестнице.

И вновь звук. Скрип. *Послышалось?* Лишь один способ проверить – спуститься и посмотреть. Я замешкался.

Брось, подумал я, скорее всего, с испытуемым справились ещё тогда, а записи не продолжили потому, что эксперимент был закончен и не было смысла, а всё оставили так потому...

...

В общем, испытуемого тут уже нет, будь уверен.

Эти мысли вселили некое спокойствие в душу, но всё же нужно было проверить. Я чувствовал в этом некую необходимость. Я замешкался. Страх буквально трубил о том, что я не должен туда идти ни в коем случае. Но я начал слазить. *Я же не трус.*

Как только мои ноги коснулись пола, я развернулся и уставился на дверь. Даже несмотря на веские основания не беспокоится о наличии здесь помимо меня кого-либо ещё, я очень волновался. Только успокоившееся сердце вновь стало бешено стучать, а я тем временем смотрел, как дверь, ведущая в комнату для эксперимента тихо приоткрывалась. Она издавала противный скрипящий звук, но я его даже не замечал. Я замечал только тонкую, но чертовски длинную руку, тянущуюся из-за открывающейся двери. Вслед за ней показалось такое же худое плечо, а затем – шея, после чего буквально через мгновение перед полностью открытой дверью стояло *что-то*, что я не мог назвать никак иначе, как *Тварь*. Она была высокой – наверное, метра два с половиной в вы-

соту, кожа была тонкой и сухой и имела болотный оттенок, из глазниц на меня смотрели два белка без зрачков, а на месте рта растянулась ужасающая ухмылка.

Испытуемого тут уже нет, будь уверен...

Тварь неожиданно вскочила с места и стала бежать на меня, неуклюже перебирая ногами, а иногда вообще переходя на четвереньки. Увидев это, я сразу же полез вверх по лестнице и всё время я проклинал себя за излишнее любопытство. Казалось, что лестница была бесконечной, и, когда я услышал и почувствовал, что на лестницу взобралась тварь, я был уверен, что вот-вот и она меня схватит. Но я вылез в дом на поверхность.

Я поднялся с колен и взял квадрат из досок, вес которого ощущался намного меньше сейчас, нежели в первый раз, и подошёл к лестнице. Я только начал опускать квадрат, как его оттолкнули обратно в меня. Спустя мгновение ока я уже лежал на пыльном ковре, а сверху меня был квадрат из досок, который давил на меня и душил. А сверху его сидела тварь и давила на меня ещё сильнее. Она стала медленно подползать ко мне, пока я отчаянно пытался выбраться из ловушки. Я стал переворачиваться на бок, когда тварь уже была прямо надо мной. Она вдавила квадрат из досок в меня ещё сильнее, но я всё же смог перевернуться на бок, после чего мне почти не составило труда оказаться на животе. Я вложил все свои силы в то, чтобы подняться на руках. Мои руки ужасно тряслись и болели, но я поднимался всё выше и

выше. Дерево стало впиваться мне в спину и плечи, а тварь пыталась давить сильнее, но каким-то образом я смог подняться на колени и скинуть с себя деревяшку и тварь вместе с ней. Услышав тихий, хриплый и будто раздосадованный стон, я поднялся с колен и пустился бежать из здания, пока мои руки, спина, плечи и ноги ужасно болели, но мне было неважно, ведь я *должен был* сбежать.

На улице, казалось, ничего не изменилось. Всё так же было светло и деревья были такими же. Я обежал здание и направился к выходу из леса. Трава прогибалась под моими ногами, которые в один момент стали какими-то невероятно тяжёлыми и я был вынужден сбавить темп. Я не мог обернуться и ничего не слышал сейчас, но был уверен – тварь прямо за мной.

Я бежал и бежал, и наконец увидел тропинку и надгробие, посвящённое Владу, пропавшему в этом лесу и о котором больше никто ничего не слышал с самого дня пропажи. Я подумал о том, что могу сейчас повторить его судьбу, если не ускорюсь, что послужило хорошей мотивацией и я стал бежать, казалось, сверх своих возможностей.

И вот я пробежал мимо надгробия и стал бежать по тропинке в посёлок. Я оглянулся, но твари сзади не увидел. Зато заметил оную в лесу сбоку от меня, ловко огибающую любое препятствие, что она делала, не отрывая от меня взгляд белков глаз. Дышать становилось практически невозможно, нос болел при каждом вдохе, а ноги невыносимо гудели. Ступ-

ни горели адским огнём, как и грудная клетка, и единственное, что удерживало меня на ходу – понимание, что, если я хоть чуть-чуть сбавлю темп, то тварь меня настигнет. В какой-то момент в глазах стало темнеть. Перед глазами в темноте стали появляться странные, разноцветные узоры, мешающие мне видеть дорогу, но не мешающие ощущать взгляд твари на мне.

Я добежал до поворота, ведущего в посёлок, почти не заметив этого, хотя ранее время тянулось для меня невыносимо долго. Не веря своему счастью и везению, я стал кричать на всю улицу.

– Помогите! – я пытался говорить громко, но изо рта выходил только невнятный шёпот, переходящий в стон.

Я посмотрел назад. Тварь стояла на краю леса и смотрела своими белыми глазами мне прямо в душу. Но больше она не бежала за мной. Я остановился.

– Помогите! – вновь попытался закричать я, но остановился на полуслове. Уже не было нужды в этом.

В душе закипело странное чувство. *Почему ты не бежишь за мной?* хотелось спросить у твари. Но я не стал этого делать, ведь сейчас я был рад тому, что она осталась там, на опушке этого чёртового леса.

Я стал медленно пятиться назад. И тут изображение леса, домиков и глаз твари стало чернеть, пока я не упал без сознания.

Прошла пара лет с этого случая. В тот день меня в бессознательном состоянии нашла мимо проходящая бабушка, имя которой я не помнил. Она пробудила меня и предложила мне помощь, но от оной я отказался. Я просто дошёл до дома, взял заранее подготовленные перед походом в лес вещи и уехал.

Я больше никогда не приближался к этому лесу, как и к посёлку, ни на километр. Я никому не говорил об этом, но сейчас я пишу это и будто переживаю всё заново. Это было, я уверен в этом. Я всё ещё сомневаюсь в том, надо ли выкладывать мою рукопись, но, думаю, что просто так её выкидывать тоже нельзя.

Как бы то ни было, сейчас у меня всё хорошо – у меня есть семья, дом и машина, но этот случай – единственное, что мешает мне жить, как нормальному человеку. Мне кажется, что я знаю слишком много, что об этом должен знать кто-то ещё. Подобное чувство было со мной всё время с того случая, но сейчас оно будто обострилось. Оно не даёт мне жить спокойно. Моя семья постоянно спрашивает меня о том, почему иногда по ночам я не могу уснуть, а иногда будто выпадаю из реального мира. Я никогда не отвечал на этот вопрос. До этого момента.

Сейчас мне уже всё равно, что мне не поверят. Я просто должен опубликовать это, пока не передумал.

05.02.2024,

г. Железноводск, Ставропольский край